

NEWS**OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN****SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES**

ISSN 2224-5294

Volume 5, Number 303 (2015), 27 – 35

**SPIRITUALLY-MORAL AND IDEOLOGICAL ORIGINS
INSTITUTE COURT BIYS**

Kenzaliyev Z.Zh.

azizkhan_0606@mail.ru

Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

Key words: court биев, traditional right, Kazakh society, judicial authority.

Abstract. In article the general characteristic of spiritual and moral and world outlook sources which were the cornerstone of all system of usual legal relations in traditional Kazakh society is given. Judicial authority as an independent form and structural part of the general political imperious relations in traditional Kazakh society took in them a special place. This circumstance was explained by that judicial authority was the most popular form of the power in the steppe, it was close and clear to the general population, was held in respect and support from their party. Under the certificate of many authoritative researchers of traditional Kazakh society, judicial authority in it was the most advanced branch of the government. Her authority was so high that sometimes it seemed that it covers the influence all aspects of life of nomads, covering with that activity of bodies of other branches of the government.

УДК 342.7(574)

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ
ИНСТИТУТА СУДА БИЕВ**

Кенжалиев З.Ж.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

Ключевые слова: суд биев, традиционное право, казахское общество, судебная власть.

Аннотация. В статье дается общая характеристика духовно-нравственных и мировоззренческих источников, которые лежали в основе всей системы обычно-правовых отношений в традиционном казахском обществе. Судебная власть как самостоятельная форма и структурная часть общеполитических властных отношений в традиционном казахском обществе занимала в них особое место. Данное обстоятельство объяснялось тем, что судебная власть была самой популярной формой власти в степи, она была близка и понятна самым широким слоям населения, пользовалась уважением и поддержкой с их стороны. По свидетельству многих авторитетных исследователей традиционного казахского общества, судебная власть в нем была самой высокоразвитой ветвью государственной власти. Ее авторитет был настолько высок, что иногда казалось, что она охватывает своим влиянием все стороны жизни кочевников, заслоняя тем самым деятельность органов иных ветвей государственной власти.

Одним из перспективных направлений научного исследования правовых и властных институтов традиционного казахского общества является изучение их в широком духовно-нравственном и мировоззренческом контексте. Данное обстоятельство связано и с тем, что традиционные обычно-правовые и государственно-властные институты казахского общества не только питались от живительных источников духовно-нравственных установок и мировоззренческих ориентиров, но и формировались, развивались и функционировали под их «невидимым» надзором и контролем, и поэтому, в свою очередь, были нацелены и «заряжены» на то, чтобы обеспечивать и обслуживать эти ценностные устои и первоосновы, охранять и защищать их, а в необходимых случаях и оказать содействие в самовосстановлении ими своих жизнеутверждающих сил.

Смысл и содержание социальных, политических и правовых взглядов традиционного казахского общества отличались такими чертами как предельная ясность и искренность,

открытость и откровенность, разумная трезвость и житейская практичность. В них проявилась глубина истинности и простота мудрости духовно-нравственных и мировоззренческих истоков, которые лежали в основе данных взглядов и «управляли» ими будучи «включенными» в ткань и в «потайные пласти» традиционного общественного сознания казахского общества.

В общественном сознании традиционного казахского общества богатство и власть никогда не рассматривались как ценности или самоценности. Они ни в коем случае не могли быть целью человеческой деятельности, тем более человеческой жизни. И потому общество всегда осуждало стяжательство, корыстолюбие и властолюбие как негативные качества и стремления человеческой личности, как порочные явления социальной жизни. Вместе с тем, признавался объективный характер этих явлений и необходимость того, что нужно считаться с существованием в реальной жизни богатых и бедных, богатства и нищеты, власти и подчинения, обладателей властными полномочиями и простолюдинов. Однако, в общественном сознании не абсолютировали социальные иерархии и поэтому не драматизировался факт накопления богатства в руках меньшинства и бедность большинства. Традиционное сознание по своему рассматривало и оценивало такое положение вещей. Оно исходило из того, что богатство и накопленные имущественные блага не гарантируют их обладателям постоянство такого состояния. Поскольку в казахском обществе основным предметом имущественной состоятельности и богатства являлся скот, то кочевники так и говорили «Богатство бая только до первого джута», то есть, до первой лютой зимы и последовавшей за ней весенней гололедицы.

Согласно традиционному сознанию основными ценностями человеческой жизни являлись честь и совесть, стыд и самоуважение (гордость), иман (истинная вера и истинность веры, богочтение и богообязанность), справедливость. Именно они и могли считаться и достоянием и достоинством человека и человеческой жизни.

Казахскому обществу было присуще уважительное отношение к представителям власти, но никак ни страх, тем более ни трепет перед ними. Народная мудрость учila ценить старания истинных служителей справедливости и правды, и поддерживать их усилия, если это необходимо.

Традиционное сознание по достоинству оценивало место и роль народа и народной власти в системе властных отношений в обществе. Оно исходило из того, что реальной земной опорой любой политической власти в обществе (высшей – ханской, судебной – биев, военной – батыров и т.д.) является – народ. Фиксируя зависимость властных учреждений от народа и от народной власти традиционное сознание настаивало на их служебной роли перед населением и на направлении ими своих полномочий только исходя из строгого соблюдения принципов и норм обычного права и не допуская злоупотреблений властью.

В традиционном сознании высокое положение народа и народной власти по отношению к другим формам политической власти в обществе объяснялось и тем, что народ мог в любое время свергнуть любую иную власть, в том числе и ханскую, если она действовала наперекор интересам народа и вразрез принципам народного обычного права. Взгляды и установки о недолговечности существования властных структур, не удовлетворяющих интересы населения отразились в пословицах, поговорках и обычаях народа. Кочевники говорили «народ встанет и хана свергнет». Древние традиционные церемонии как «хан талапай» («разграбление хана»), «хан көтерү» («возведение хана на трон»), «ханды қылғындыры» («удушение хана») ярко свидетельствовали о той роли, которая отводилась в общественном сознании народу и народной власти по отношению к ханской власти.

Судебная власть как самостоятельная форма и структурная часть общеполитических властных отношений в традиционном казахском обществе занимала в них особое место. Данное обстоятельство объяснялось тем, что судебная власть была самой популярной формой власти в степи, она была близка и понятна самым широким слоям населения, пользовалась уважением и поддержкой с их стороны. По свидетельству многих авторитетных исследователей традиционного казахского общества, судебная власть в нем была самой высокоразвитой ветвью государственной власти. Ее авторитет был настолько высок, что иногда казалось, что она охватывает своим влиянием все стороны жизни кочевников, заслоняя тем самым деятельность органов иных ветвей государственной власти.

Академик С.З. Зиманов не зря в своих трудах подчеркивал важность судебной власти степного народа, и в частности писал: «нельзя не учитывать того обстоятельства, что в патриархально-

феодальном казахском обществе центральная власть – ханская власть, традиционно была слаба даже в периоды ее относительного возвышения, и ее функции в мирное время сводились в основном к разрешению споров, с которыми обращались к ней стороны и к управлению делами своего домена» /1/.

Общеизвестна так называемая синкретность, то есть, нерасчлененность, неразрывная слитность общественных отношений в традиционном казахском обществе. Данное обстоятельство наложило свой отпечаток и на характер политico-правовых и государственно-властных отношений в казахском ханстве. Особено это отразилось в том, что судебные функции, как наиболее востребованная часть оказываемых населению властных услуг со стороны государственных органов ханства, стала рассматриваться в традиционном сознании не только как самая универсальная функция органов государственной власти, но и как самая универсальная форма государственной деятельности вообще. И в данном случае мы должны отметить «прозорливость» традиционного сознания, которое и на самом деле смог запечатлеть и донести до нас ту истину, что в историческом плане судебные функции на самом деле являются изначально первыми «клеточными образованиями», из которых в дальнейшем вырастают иные функции органов публичной власти. Точно так же судебная власть представляет из себя генетическую прародительницу всех иных форм и ветвей единой государственной власти, хотя в современных государствах не совсем уже заметно такое «первозданство» судебной власти по отношению к иным формам публично-правовой власти.

Но для традиционного сознания казахского общества было очевидна изначальная первозданная фундаментальность и универсальность судебной власти, поэтому и не удивительно, что все государственные органы данного общества для достижения своих интересов и целей и во время исполнения своих обязанностей пытались использовать преимущества функций судебной власти и опирались на нее. И тот факт, что все должностные лица в системе органов государственной власти, начиная от ханов, султанов и до старейшин аулов старались завладеть судебными функциями и иметь их в арсенале своих полномочий – свидетельствуют о не беспочвенности наших рассуждений.

Роль судебной власти в кочевом казахском обществе была настолько высокой, что иногда она была выше и ханской власти. Конечно, ханская власть в казахском обществе являлась самой высшей инстанцией государственной власти и оставалась таковой всегда. Но, для того, чтобы обеспечивать свое такое высокое положение она всегда была вынуждена считаться с судебной властью, и все времена опираться на нее. А во многих случаях ханская власть была склонна считать судебную власть как составляющей своей власти или же продолжением своей власти, или же врожденной функцией своей власти, которую нельзя отделять от ханских полномочий.

Традиционное сознание всегда отдавало судебной власти предпочтение, когда происходили коллизии и трения между ханской и судебной властями. В представлении народа бий всегда выступал в качестве мудрого советника хана, его духовной опорой, и более того, его наставником. Поскольку бий всегда выступал от имени народа, он должен был безбоязненно указывать на злоупотребления хана, даже мог всенародно обличить его пороки и недостатки в управлении, когда это требовалось. Согласно народным традициям, бий откровенно критиковал хана, следил за тем, чтобы он не сошел с праведной дороги, и призывал избавляться от ошибок. Бий имел право резко критиковать хана, делать наказы от имени народа, грозить гневом народа (а не наоборот). Причина этого, в том, что в национальном сознании судебная власть считается наиближайшим к народу. В обществе бытовало мнение о бий как о поборнике интересов народа. Поэтому при возникновении противоречий между ханской властью и народом, при незаконном превышении ханом своей власти, авторитет судебной власти резко возрастала, и она вступала в пререкание с ханской властью. Если судебная власть выступала как посредник в споре между ханской властью и подвластным ему населением, то авторитет судебной власти возрастал и резко возвышался над ханским. В связи с этим, будет не лишним привести в качестве примера, историю судебной тяжбы Барака султана. По мнению В.В. Бельяминова-Зернова, после убийства султаном Бараком Абулхаир хана «...положение Барака было чрезвычайно стеснительно: при нем оставалось не более 500 кибиток, почти все роды Средней Орды, которыми он управлял прежде, от него отстали: некоторые даже согласились его выдать семье покойного Хана. Найманы прямо ответили

посланцам его, которые приехали с известием об убийстве Абулхаира и с предложением принять в ханы Барака, они за ним следовать не хотят... то же говорил ему и Толе би, знатный киргиз Большой Орды, кочевавший за Туркестаном около Ташкента (показания Смаила Муллы 20 ноября 1748 года). Каракисякского рода Казыбек-бий и другие старшины удержали его на пути в Джунгарию, упрекали его в убийстве Абулхаира и грозили выдать семье покойного Хана. Барак всячески уговаривал их, выставляя все пороки Абулхаира и свои достоинства (нашу фамилию зовут Тогим Шигайской, а его Абулхаира Ханская фамилия Бельчай-коянская и его, де род против нашего силою не будет, ибо, де наша фамилия честная и многолюдная). Наконец он принужден был прибегнуть к хитрости, выбрал четырех бийев и предался на их суд, говоря, что если они признают его виновным, то он готов жертвовать и именем, и жизнью. Хитрость эта, вероятно, удалась ему, и он успел в некоторой степени снискать расположения киргизов, потому что через несколько времени снова приковывал к своей орде уже с 3000 кибиток.

Воспользовавшись таким счастливым оборотом обстоятельств, Барак набрал здесь тысяч пять войска из найманов, каракияков, кунратов и даже киргизов Большой Орды (их было человек 500 под начальством Толе бия)» /2/.

Из этой истории мы замечаем, что сам Барак султан, обладавший большим авторитетом и силой, был вынужден склонить голову перед судом биеv. Только после того, как он повиновался власти суда биеv, и согласился с ее решением, Барак султан вновь обрел свою былую славу и силу и восстановил свою репутацию.

Еще один пример. Служащие и слуги Хана Младшего джуга Нураги однажды подвергнули избиению и покалечили простого скотовода. За эти действия своих служащих и слуг Нураги Хан был привлечен через суд биеv к ответственности, и был принужден к выплате куна. Н. Рычков пишет: «Одна калмычка, рабыня казаха, жившего неподалеку от ханского двора, не могла снести буйного нрава и побоев своего господина, убежала от него и укрылась в кибитке самой любимой из ханских жен. Разгневанный господин ее, однако, преследовал ее со всею поспешностью, не отставал ни на шаг, ворвался в самую кибитку, где беглянка искала себе спасения, и отнюдь не задержался тем, что в кибитке в ту минуту находилась сама ханская жена. Ханским женам вообще от казахов бывает не слишком-то много почета, особенно, если казахи чем либо взбешены. Не стесняясь присутствием хозяйки, казах тут же принял ругать и бить рабыню и поднял на ноги весь ханский улус. На крики сбежались узбары, - так называлось служивая дворня хана, - и выволокли вон дерзкого нахала, нанесши ему при этом определенные повреждения. Последовал осмотр избитого собравшимися казахами, и было признано, что потерпевший не способен более к произведению потомства. Хан тщетно пытался защитить себя ссылкою на наглый образ действий потерпевшего в присутствии его жены. Народное собрание принудило его к половине того хуна, какой полагается за убийство» /3/.

Конечно, здесь не совсем понятно, что имел в виду Н. Рычков под народным собранием. Но, тем не менее, несомненно то, что данный орган выполнял судебные полномочия и принял судебное решение (жаза) в соответствии с обычным правом.

Несмотря на то, что кочевники высоко ценили статус органов судебной власти и всегда поддерживали их близость к нуждам населения и оперативность в решении спорных и иных конфликтных ситуаций в обществе, тем не менее, они не были склонны абсолютизировать их роль и значение в личной жизни отдельного человека.

Традиционное сознание исходило из того, что суд биеv, при всех его достоинствах, является «внешним» судом, а самым важным и первостепенным для человека является его «собственный внутренний суд» - суд совести. По представлению кочевника, внешний суд – суд биеv, должен быть продолжением внутреннего суда, является его внешним образом и обликом. Внешний суд - суд биеv – должен быть внешним проявлением торжества внутреннего суда- суда совести.

Поэтому при оценке личности человека и его поступков особое значение придавалось тому факту, насколько человек руководствуется не голым интересом, а принципами совестливого отношения к жизни и к делу, насколько он подвержен «угрызениям совести» и считает наказания суда совести более справедливыми и суровыми чем наказания внешнего суда.

Такое различие внешнего суда и суда внутреннего в традиционном сознании создавало возможность их носителям верный и надежный критерий для оценки деятельности не только органов судебной власти, но и иных государственно-властных учреждений.

Кочевники исходили из того, что для конкретного человека, лучше, если есть возможность, в случаях возникновения конфликтных ситуаций ограничиться внутренним судом и не искать суда биев. Лишь тогда, когда исчерпаны все возможности улаживания конфликтов и решения споров договорным путем и не доводя дело до суда биев, лишь в таких крайних случаях общественное сознание оправдывало обращение сторон во властные структуры и учреждения. Традиционное сознание интуитивно и глубоко понимало социальную необходимость судов биев и потому, адекватно этой необходимости воспринимало его и в пределах этой необходимости давало ей достойную оценку, но оно было далеко от переоценки возможностей института суда биев, тем более от абсолютизации его роли и места в каждодневной реальной жизни членов кочевых и полукочевых коллективов.

Расмотрение судебной власти в контексте мировоззренческих и духовно-нравственных взглядов, представлений и понятий, которые лежали в ее основе и определяли ее конечные цели и назначения, дает нам возможность воссоздать более или менее целостный обзор судебной власти, что невозможно при изучении ее только с позиции эмпирического подхода и фактологически – регистрационного описания ее внешних проявлений и параметров. Одновременно такой подход позволяет более глубоко понять и мир духовно-нравственных ценностей традиционного казахского общества, на властно – правовое обеспечение которого и была направлена в том числе и функциональная деятельность органов судебной власти.

То, что духовно-нравственные принципы не только лежали в основе судебной власти, но прямо и непосредственно вторгались в сферу судебных отношений и служили главными ориентирами при вынесении судебных решений, было замечено и письменно зафиксировано еще первыми путешественниками и ориенталистами в средневековой Казахстан, а в дальнейшем, были подтверждены почти всеми последующими исследователями края. В связи с этим академик С. Зиманов пишет: «Римские юристы разрабатывали правовые понятия адекватные огромной, нередко артикулярной, но и ценной правовой практике, накопленной по ходу многовекторного развития изначальных форм частной собственности. По-другому обстояло дело в системе отношений, о месте и статусе, о принципах и задачах деятельности судов биев. Понятия о них уже были разработаны общественным сознанием и «навязаны» судом биев как условие их бытия и деятельности» /4/.

Такими «навязанными сверху» традиционным общественным сознанием судам биев понятиями были представления и взгляды о совести и стыде (ар-ұят), о честности (адалдық) и справедливости (әділдік), о чести и достоинстве (ар-намыс), об истинной вере и истинности веры (иман) и.т.д.

При этом самый главный духовно-нравственный принцип, который лежал в основе всей системы правовых отношений и определял пределы и уровень ее легализованности и справедливости в традиционном казахском обществе был метко выражен в таких крылатых словах как «Малым – жанымның садағасы, жаным – арымның садағасы». Буквальный перевод его звучит примерно таким образом - «Скот мой – ради жизни моей, и жизнь моя - ради совести моей». В данной поговорке в качестве общеобязательного принципа всей духовно-нравственной жизни казахского общества закреплен мировоззренческий взгляд о том, что абсолютно истинной ценностью человеческой жизни является совесть человека. Вместе с тем, совесть человека является и главным достоянием его, которого он может приобрести в этом мире, а также является и основным показателем и проявлением человеческого достоинства. Именно поэтому кочевник видит конечную цель и смысл своей жизни в том, чтобы сохранить и беречь свою совесть чистой и незапятнанной до конца своей жизни, и ради этого он готов пожертвовать и всем своим имущественным положением и богатством и своим здоровьем и своей жизнью.

Примечательным является то, что совесть и совестливость, стыд и стыдливость, честь и честность в общественном сознании рассматривались как проявления имана, то есть, истинной веры и истинности веры. Великий поэт и мыслитель Абай по этому поводу писал: «У казахов есть

пословица «У кого есть совесть и стыд у того и иман (истинная вера). Из этой пословицы ясно, что, совесть (стыд) является составляющей имана – истинной веры в Бога»» /5/.

Абай являлся великим поэтом казахского народа, но он был и одним из знаменитых судьей – биев своего времени. И он не только как реформатор традиционного общественного сознания, но и как носитель его, придерживался исламской веры как истинной веры и имана как чистоты, искренности и истинности своей веры в ислам. Он в своих знаменитых «Назиданиях», писал что, «истинного мусульманина можно называть человеком, достигшим полного совершенства» /6/.

Механизм действия духовно-нравственных установок и мировоззренческих ориентиров в казахском обществе был прост и эффективен. Они действовали через правовые принципы, которые пронизовали всю правовую систему традиционного общества. А правовые принципы в свою очередь делились на главный, промежуточные (межотраслевые) и отраслевые правовые принципы. Так, если главный и основной правовой принцип традиционного казахского общества лежал в основе всей правовой системы, то, промежуточные (межотраслевые) и отраслевые принципы, соответственно, являлись главными регуляторами в сферах межотраслевых и отраслевых обычно-правовых отношений. При этом, приоритетность главного принципа правовой системы над межотраслевыми и отраслевыми, а межотраслевых над отраслевыми обеспечивала духовно-нравственным и мировоззренческим ценностям казахского общества служить надежными ориентирами в регулировании всей совокупности правовых отношений в обществе, в целом. Такое положение достигалось в результате того, что духовно-нравственные ценности и мировоззренческие ориентиры, оставаясь таковыми, одновременно, трансформировались в правовые принципы или «преобразовывались» в них. Тем самым, они уже действовали как установки и веления правовых принципов, при этом не теряя свою самостоятельность и сохраняя свое «бытие» как духовно-нравственные и мировоззренческие устои. Вневременное и внепространственное «бытие» существования универсальных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей и способность их перевоплощаться и внедряться в правовые установки и принципы в качестве их общеобязательных велений и императивов, особенно рельефно прослеживается на примере традиционного казахского общества. «В основе суда биев и норм и понятий, определявших его деятельность и предназначение, - пишет академик С.Зиманов – лежали преимущественно ценностные нравственные нормы, предписывающие решать споры больше в контексте содействия формам жизни человечной и мирной, исходя из понятий справедливости и беспристрастности судей, об их верности идеалам стабильности и единства этнокультурного социума. Понятия вещи богатства ставились в казахском праве «жарғы» и на суде биев на второй план после понятий о моральных основах самой жизни. Суд биев был более нравственный и более демократичный, а следовательно – и более народный. В этом плане суд биев был судебной системой общецивилизационного значения» /7/.

Фактом традиционного общественного сознания было то, что оно рассматривало слова совесть, стыд, иман (ар, ұят, иман) как слова синонимы имеющие одинаковые содержание и значение, но и то, что иман рассматривался одновременно и источником совести и совестливого отношения ко всему происходящему. Исходя из этого мировоззренческое значение приобретало одно из распространенных в казахском обществе крылатых выражений о том, что «истинным достоянием и достоинством человека является его иман» («иманым – жиганым»). С высоты такого духовно-нравственного и мировоззренческого принципа предъявлялись требования и представителям властных институтов казахского общества, и в первую очередь, носителям судебной власти – биям.

И здесь необходимо отметить что главный духовно-нравственный принцип, который лежал в основе всей системы правовых отношений традиционного казахского общества («скот мой – ради жизни моей, а жизнь моя – ради совести моей») не только охватывал своим воздействием и сферу судебных отношений, но и поддерживал и иные дополнительные и специфические духовно-нравственные принципы, которые действовали в том числе в сфере судебных отношений, тем самым усиливая эффект своего влияния на регулируемые социальные отношения. Об этом свидетельствует существовавший в сфере судебных отношений нравственно-правовой принцип, запечатленный в применяемом до сих пор известном крылатом выражении, которое гласит «У справедливого судьи – бия – нет родственников, а у бия, который ставит родственные отношения

выше справедливости – нет имана» («Тура биде – туған жоқ, туғанды биде – иман жоқ»). В данном крылатом слове, сформулированы требования, которые предъявлялись не только духовно-нравственному и мировоззренческому облику судьи – бия, но и высокие стандарты, предъявляемые к его профессиональным качествам, поскольку последние были «включены» в духовный облик судьи – бия и не отделяемы от них, а также и потому, что духовно-нравственные качества судьи одновременно рассматривались и как самые главные профессиональные качества судьи – бия.

Члены традиционного казахского общества исходя из приоритета внутреннего суда – суда совести над внешним судом – над официальными судебными процессами и судебными тяжбами стремились изо всех сил быть «выше» таких случаев и ситуаций, и всячески поддерживали друг-друга искренне гордились тем, когда оказались выше соблазна «отдавать друг друга в суд» и решали свои конфликты и споры, минуя официальные судебные инстанции на основе мирных досудебных и внесудебных соглашений, в духе «степного джентльменства» и благородства, взаимоуважения и взаимопрощения. И такие случаи поощрялись общественным сознанием. Они пересказывались и о таких случаях слагались поучительные рассказы и они передавались из поколения в поколение.

Тайна и притягательность обычно-правовых отношений в кочевом обществе, в том числе и в сфере функционирования судебной власти как раз и заключались в том, что не только отдельные члены традиционного общества, но и целые их коллективы могли решать совместно взаимные притензии, споры и конфликты минуя официальные судебные инстанции и процессы, и на основе прямых контактов и мирных досудебных или внесудебных соглашений, руководствуясь существующими общеобязательными духовно-нравственными принципами и нормами.

Именно такое «прямое действие» в сфере судебных отношений велений и императивных духовно-нравственных установок и мировоззренческих ориентиров и являлось одним из главных условий и особенностей функционирования судебной власти и ее органов в традиционном казахском обществе.

Возвышение авторитета духовно-нравственной сферы общественной жизни над сферой публичной власти, и в особенности, официальной судебной власти, дало ей возможность служить фактором, оказывающим ориентирующее и контролирующее воздействие в этих областях.

«Прямое действие» духовно-нравственных установок традиционного сознания в сфере судебно-правовых отношений обеспечивался, в том числе и, введением в действие такого специального принципа судебного процесса как «сөзге тоқтау» («оказание чести справедливому слову») – публичное признание одним из конфликтующих сторон справедливости доводов и доказательств другой стороны и неправомерности своих претензий и исков на любой стадии судебного процесса и на этой основе он сам предлагал признать себя «проигравшим», а победителем другую сторону, обявляя при этом, что, он дальше не желает «судиться» и готов, добровольно выполнять решение суда в пользу другой стороны (истца или ответчика).

О популярности и широкой распространенности случаев применения принципа «сөзге тоқтау» в практике судов биеv говорят и подтверждают многие исторические и архивные документы. Духовно-нравственное значение данного принципа заключалось в том, что стороны как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве были не пассивными, а активными его участниками. И в любой стадии судебного процесса, могли воспользоваться принципом «сөзге тоқтау» и тем самым привести к завершению судебного процесса, а самое главное, принятию им справедливого решения.

Одним из ведущих принципов, лежавших в основе судебного процесса традиционного казахского общества был принцип «бітім» – принцип «примирения». Данный принцип был кратко и красочно оформлен в таком крылатом выражении как «Кыз мұраты – кету, дау мұраты – біту», и дословный его перевод звучит примерно таким образом: «Цель молодой девушки – замужество, а цель судебного процесса – примирение». Конечно, нельзя прямолинейно и односторонне поверхностно понимать значение данного принципа. Целью судебного процесса было не только достижение примирения конфликтующих сторон по конкретному спору, но и того, чтобы спорящиеся стороны признавая справедливость судебного решения по конкретному делу, принимали его «как свое собственное решение» и на этой основе примирились и с самим собою, со своей совестью.

И здесь надо обратить внимание на то, что общественное сознание традиционного казахского общества ратовало за мирное и бесконфликтное развитие всех сфер социальной жизниnomadov. Пресечение, предупреждение и недопущение всевозможных спорных ситуаций, которые могли превратиться в «очаги» напряжения и конфликтов, считалось благом. Каждый член социума, их кочевые и родовые коллективы должны были внести свою лепту в дело поддержания мира и спокойствия в целом в обществе и могли это сделать. Такую возможность им предоставлял механизм «прямого действия» духовно-нравственных принципов и норм, лежавшие в основе всей системы обычно-правовых отношений в обществе. Ведь эти принципы и нормы оберегали и защищали своих носителей и приверженцев от «попадания» в конфликтные ситуации, и если этого не удавалось, то представляли возможность быстро, безболезненно и без особых затрат решить такие ситуации опираясь на решения своих собственных внутренних судов – судов совести («ар соты»). И если не удавалось «погасить» конфликт и на этой стадии, то тогда, конечно, включался в действие официальный судебный порядок решения споров и дело переходило на рассмотрение судов биев.

Необходимо отметить, что традиционное сознание рассматривало случаи упущения возможности решить дело «судом совести», не доводя до официальных судебных инстанций, как проявление слабости внутренних духовно-нравственных сил конфликтующих сторон, в результате чего они не только попали в такие ситуации, но и не могут из них самостоятельно выбраться. В связи с этим, такие случаи одновременно служили и сигналом «тревоги» для общественного сознания, которое должно было оказать необходимую помощь и содействие для скорейшего выхода из сложившегося конфликтного положения их участников.

Традиционное сознание теперь должно было принять меры, направленные на то, чтобы конфликтующие стороны заново приобрели «одухотворенность», восстановили свои внутренние духовно-нравственные силы, изгнали из себя суету и «внутреннюю раздраженность», обрели внутренний покой и спокойствие и заново становились полноценными членами своих социальных общин и коллективов, тем самым освобождаясь от оков спорных ситуаций, в которые они попали. Оказания именно такой помощи и такого содействия конфликтующим сторонам и требовало общественное сознание от судов биев, которые и не скрывали свою служебную роль и зависимость от императивов традиционного сознания. Поэтому участники судебных процессов в судах биев, во многих случаях выходили из него не победившими или проигравшими, а «очищенными и освобожденными» от груза внутренней опустошенности, вызванной потерей духовных ориентиров и от тяжести суеты, образовавшейся в результате потери душевного равновесия и спокойствия. Суд биев не только примирял конфликтующие стороны друг с другом, но в первую очередь, каждого из них с самим собою и со своей совестью, делал каждого из них победителями над своими слабостями. В этом и заключалась предназначение и смысл деятельности судов биев с точки зрения духовно-нравственных и мировоззренческих истоков, которые лежали в основе их организации и функционирования.

Еще одним важным принципом судебного процесса был принцип «Жасына қарай отырып, жағына қарай сөйлеу» («Участники судебного процесса рассаживаются по возрасту, а говорят по красноречию»). Данный принцип направлен на недопущение ограничения прений в судебном процессе, на полную свободу слова и на использование сторонами для своей защиты всех возможностей открытого, публичного и состязательного судебного процесса. Судебный процесс нацелен на установление истины по конкретному спорному делу. Поэтому для достижения данной цели никто и ничто не может быть препятствием. Каждый свободен и обязан, открыто и ясно, без страха выражать свои мысли, то, что знает, видел или слышал.

Данный принцип играл огромную роль особенно в обеспечении равенства сторон участников судебного процесса. В судебном процессе не допускалась дискриминация биев по возрасту, должности и состоятельности. Они равны при защите интересов спорящих сторон и не имеют никаких привилегий друг перед другом. Вместе с тем, участники судебного процесса не должны допускать не позволительные действия или высказывания, которые могут задеть честь или достоинство других. Данная им власть должна была осуществляться в рамках взаимного уважения и утивости.

Судебный процесс в традиционном казахском обществе был тесно связан с ораторским искусством. Лишь тот, кто был одарен искусством красноречия имел шансы стать бием – судьей. Кроме того, в судебный процесс допускался в качестве представителей сторон тоже только те люди, которые владели искусством слова. Данное обстоятельство было связано с тем, что традиционная правовая культура и культура устной речи в казахском обществе развивались в неразрывной связи и взаимодействии друг с другом. С другой стороны, система юридических принципов, институтов и норм обычного права в значительной степени были оформлены в форме кратких изречений, крылатых слов, пословиц и поговорок, хотя само обычное право содержало и писанные законы, постановления, жаргы, ярлыки и.д.т.

Такова общая характеристика духовно-нравственных и мировоззренческих истоков, которые лежали в основе всей системы обычно-правовых отношений и в том числе, института суда биев, казахского общества ханского периода (XV-XVIII в.в.). И на самом деле, в указанный период суды биев показали себя как те учреждения, которые могут функционировать в рамках духовно-нравственных установок и мировоззренческих ориентиров традиционного казахского общества, руководствуясь их требованиями, не выходя за их пределы и одновременно взаимодействуя с ними, защищая и охраняя их. А в последующие века, когда традиционное право и суд биев были дистанцированы и отдалены от духовно-нравственных истоков, которые питали их, и ставили руководствоваться иными ориентирами и установками (в периоды Российской империи и Советского государства), наблюдается потеря ими былого авторитета перед населением, подверженность их нежелательным воздействиям и изменениям. Возможно, именно поэтому, в исследованиях, посвященных изучению истории казахского общества ханского периода принято считать, что данная эпоха является «золотым веком» традиционного права и суда биев.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зиманов С.З. Состояние и задачи разработки проблем обычного права казахов // Проблемы обычного права казахов, А., 1989, стр. 14.
- [2] Исторические известия и киргиз-кайсаках и сношениях со Средней Азией со времени Абулхаирхана. 1748-1765. Уфа. 1853, выпуск 1 и 2, стр. 7.
- [3] Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. Спб., 1772, стр. 25.
- [4] Салык Зиманов. Полное собрание сочинений. 10 томов. Х том. Алматы, «Зан», 2009, с. 332.
- [5] Абай. Сочинения в двух томах. Том второй. Алматы, Жазушы, 1986, с. 133.
- [6] Там же., с.151.
- [7] Салык Зиманов. Полное собрание сочинений. 10 томов. Алматы, «Зан», 2009, стр 332-333.

REFERENCES

- [1] Zimanov S.Z. Sostojanie i zadachi razrabotki problem obychnogo prava kazahov // Problemy obychnogo prava kazahov, A., 1989, str. 14.
- [2] Istoricheskie izvestija i kirgiz-kajsakah i snoshenijah so Srednej Aziej so vremenii Abulhairhana. 1748-1765. Ufa. 1853, vypusk 1 i 2, str. 7.
- [3] Rychkov N. Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Nikolaja Rychkova v kirgiz-kajsackoj stepi v 1771 godu. Spb., 1772, str. 25.
- [4] Salyk Zimanov. Polnoe sobranie soinenij. 10 tomov. H tom. Almaty, «Zan», 2009, s. 332.
- [5] Abaj. Sochinenija v dvuh tomah. Tom vtoroj. Almaty, Zhazushy, 1986, s. 133.
- [6] Tam zhe., s.151.
- [7] Salyk Zimanov. Polnoe sobranie sochenienij. 10 tomov. Almaty, «Zan», 2009, str. 332-333.

Түйін

Автор макалада дәстүрлі қазақ қоғамының құқықтық жүйесінің негізінде жатқан рухани-имандылық және дүниетанымдық бастауларын қарастырады.

КЕНЖАЛИЕВ ЗАЙЛАГИ ЖАНТУГАНОВИЧ - ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР

*Казахский национальный университет имени аль-Фараби. 050040,
Республика Казахстан, Алматы, пр.аль-Фараби, 71*